

Не стратегия, но декларация

Недавно утвержденную правительственным постановлением Стратегию развития Сибирского федерального округа до 2035 года комментирует директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН академик Валерий Анатольевич Крюков.

В. А. Крюков

«К документу уже высказано немало претензий. В нем прописаны некоторые ресурсные возможности, отмечен ряд проблем и вызовов, обозначено восемь отраслевых кластеров, из которых несырьевой только «Туризм». Но не определены приоритеты, нет механизмов и инструментов, динамики выполнения заданных показателей, нет экономических обоснований, прогностики и вариативных сценариев, отсутствует малейшее участие науки и научного сопровождения. Список белых пятен и несуразностей можно продолжать, но самый главный недостаток — нет принципов и ориентиров, согласно которым должен развиваться в ближайшее десятилетие наш макрорегион.

Именно макрорегион, а не СФО. Федеральные округа имеют организационно-политическое, а не экономическое целеполагание. Мышление в рамках формальных границ округа (которые вдобавок нередко меняются) приводит, например, к тому, что из кластера «Цветные и редкоземельные металлы» выпадает богатейшее в мире Томторское месторождение, находящееся в Якутии, которую из Сибири перенесли в Дальний Восток. Между тем обогащение томторских руд, получение металлов и продукции из них возможно только в тесной кооперации профильных предприятий Красноярска, Новосибирска, Томска, Челябинска, Усоля-Сибирского, которые могут встроиться в цепочку получения продуктов с высокой добавленной стоимостью.

В Сибирское отделение РАН предварительные материалы для Стратегии развития СФО попадали не единожды в разных форматах и на разных степенях готовности. Раз за разом мы давали предложения по изменениям и дополнениям, о которых частично сказано выше. Обращались к нам, видимо, для проформы — никакого влияния на итоговый документ не состоялось. Авторскими коллективами методом исключения я бы мог назвать две московские организации: Российскую академию народного хозяйства и государственной службы и Центр стратегических разработок при Минэкономразвития РФ, которое, видимо, и внесло документ в правительство.

При этом в стратегии не учитываются сравнительно новые реалии — прежде всего, жесточайшие внешнеэкономические санкции и курс на технологический суверенитет, на поиск и мобилизацию внутренних резервов. Можно предположить, что подготовку этого документа N лет назад вписали в некоторый министерский «план по мероприятиям», а теперь поставили отметку о выполнении в соответствующей строке отчета. Одним из подтверждений такой гипотезы может служить строго сырьевая ориентация стратегии — из того безвозвратно ушедшего прошлого, когда

наша страна жила в основном доходами от экспорта природных ресурсов. Документ не учитывает и изменения состояния этих ресурсов: месторождения становятся беднее и удаленнее, требуют высокотехнологичных интеллектуальных решений. В России их остро не хватает, если не считать отдельных инновационных компаний вроде новосибирской фирмы «Луч», производящей современное скважинное оборудование. А в стратегии — ни слова о человеческом капитале, качественном образовании, цифровых и в целом инновационных технологиях, тем более — о науке. Нет ничего про точки роста этих отраслей и практик, про опорные города — ворота в современную экономику (во времени и пространстве).

В целом современное практическое стратегирование социально-экономического развития (точнее, то, что так называют) является шагом назад по сравнению с мышлением и организационными решениями начала — середины прошлого века. Тогда цепочки производственной кооперации не замыкались в рамках какого-то одного административного образования. Для примера вспомним Урало-Кузнецкий комбинат. Уголь добывали в Кузбассе, везли на Урал, откуда обратно (впрочем, и по всей стране) доставлялись металл и металлоизделия. Ключевым узлом кузнецкого проекта был Новосибирск: здесь организовали НИИ «Гипрошахт», затем академический Институт горного дела. Станция Инская проектировалась не столько как сортировочная, а прежде всего как нормализующая — она собирала воедино вагоны с одной и той же маркой угля, приходящие с разных шахт. Затем в обход Новосибирска он направлялся на запад по специально построенному КИМовскому (ныне Комсомольскому) железнодорожному мосту.

Эта модель предопределяла развитие Сибири на долгие годы вперед, но не была реализована в полной мере. Это произошло по причинам, скорее, неэкономического характера: сначала Великая Отечественная война, а затем и война холодная сильно повлияли на экономический ландшафт Сибири. Поэтому сегодня мы

наблюдаем фрагментацию Сибири, когда каждый ее субъект сам решает свои задачи и преодолевает трудности. В стратегии эта мегапроблема не обозначена, а региональное развитие видится в устаревшей парадигме: если, к примеру, речь о Кузбассе — то это угледобыча. Никакой углехимии, науки и наукоемких технологий, тем более экологической и социальной составляющей вы здесь не увидите. Увидим сырьевые кластеры, которые не совсем кластеры, поскольку определенная ресурсная группа сильно ориентирована на ту или иную территорию. Если туризм — то, прежде всего, Алтай, Шерегеш и Байкал, если углеводороды — то проект «Восток-Ойл» вне связи с Западно-Сибирским нефтегазовым комплексом. При этом исторически и технологически Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа — это та же Сибирь: транспортные артерии и кооперационные связи с Омской и Томской областями являются неотъемлемыми составляющими экономики обширной территории. Здесь же это как бы Урал, и никакого внимания вопросам кооперации Большой Тюменской области (ХМАО, ЯНАО и юг Тюменской области) и остальной Сибири не уделено. То, что названо кластерами, на самом деле больше напоминает ТПК — советские территориально-производственные комплексы. Их основная проблема — межведомственная кооперация в рамках локальной территории — так и не была решена. И в настоящее время не предлагаются подходы к ее решению ни в кластерах, ни в ТОРах (территориях опережающего развития), ни в СЭЗах (свободных экономических зонах) и т. п.

Уже не критикуя конкретную стратегию (которая, как вы уже поняли, никакая не стратегия), замечу, что реальность требует фундаментального базиса более высокого уровня — новой парадигмы (доктрины) развития Сибири. Она не может не исходить из основополагающей роли науки и колоссальных накопленных научных знаний, их систематизации в соответствующих базах, активного использования при обосновании решений в сфере стратегического государственного управления

экономикой и социальными процессами. Применительно ко всей России, но особенно к Сибири, роль государственного управления (прежде всего, в сфере природопользования, а затем и в построении продуктовых цепочек) видится принципиально более важной, чем сегодня. Без активного участия государства (в значительной мере в качестве ответственного регулятора, а вовсе не прямого участника проектов, как это было ранее) сам по себе каркас новых принципиальных взаимосвязей по использованию природного потенциала территории не сформируется, не выстроится основа для развития горизонтальных связей.

Чрезвычайно важна слитность цепи «горизонтальные связи — знания, навыки — ресурсный потенциал». Сейчас знания и навыки во многом предопределяют успех освоения тех или иных источников природных ресурсов. Повышенная роль знаний предопределяет роль высокотехнологичного труда в экономике Сибири. Последний, в свою очередь, является и стимулом, и основой роста уровня и качества жизни значительной части населения. Государство — собственник недр и земельных, ландшафтных угодий — вправе определять и задавать основные принципиальные правила их использования. Не просто выписывать лицензии, а заключать контракты с природо- и недропользователями, в которых обязательно должны быть прописаны экологические, экономические, социальные и технологические обязательства всех вовлеченных в процесс использования сторон. Это не фантазия, а опыт современной цивилизации. Государство также не может не видеть негативные следствия монополизации, сосредоточения природных ресурсов в руках немногих компаний-гигантов.

Если же делать резюме непосредственно по предмету обсуждения, то налицо документ очень и очень предварительного уровня — не стратегический, а, скорее, декларативный. Это поверхностный взгляд на экономическое пространство (в целом уровня школьного учебника) без его глубокого осмысления и тем более связанного прогнозирования. Нельзя не согласиться с позицией председателя СО РАН академика Валентина Николаевича Пармона и полномочного представителя президента РФ в СФО Анатолия Анатольевича Серышева о том, что предложенный набор благопожеланий необходимо требует разработки скрупулезно проработанной дорожной карты. По моему мнению, она должна строиться не по кластерному, а по проектному принципу, то есть реалистически описывать осуществление немногих, но крупных интеграционных проектов, таких как тот же Томтор. И повторюсь, любой обращенный в будущее документ должен отвечать на вопросы не только что и когда, но и как, то есть описывать механизмы и инструменты достижения обозначенных целей. И будем надеяться, что в этой дорожной карте достойное место займет наука — и как ключевой участник процесса подготовки нового документа, и как фактор его последующей реализации».

Подготовил Андрей Соболевский
Фото Елены Трухиной,
иллюстрация из книги В. А. Крюкова
«Континент Сибирь»

